Эрато Муза

Пульс страсти 2

Кара за прошлое

Диагноз — Любовь

Рецепт — Бацилла

Побочный эффект — Одержимость

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

18+

Эрато Муза

Пульс страсти 2

«Автор»
2026

Муза Э.

Пульс страсти 2 / Э. Муза — «Автор», 2026

Джек отвоевал жизнь Аноры, вытащив почти с того света. Она выжила, но потеряла часть себя: таинственная инфекция стёрла из её памяти последнюю неделю, включая ту самую ночь, когда она стала для Джека не просто любимой, а смыслом жизни. Джек продолжает спасать жизни в «ЛайфПлас» и разгадывать новые медицинские загадки. Но всю свою гениальность он готов отдать за одну задачу, у которой нет медицинского решения, — вернуть любовь женщины, потерявшей память. Он одержим желанием вернуть её доверие и заново завоевать её сердце, понимая что уже никогда не отступит и не отпустит её.Как и прошлое Аноры: тень давней трагедии возвращается, и на этот раз Джек не остановится ни перед чем, чтобы отомстить за неё.

© Муза Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
История болезни 7: "Забвенная жертва маньяка» 5
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Эрато Муза
Пульс страсти 2

Глава 1

История болезни 7: "Забвенная жертва маньяка»

Анора выходила из темноты медленно, будто каждое движение стоило ей усилий. Слабость, головокружение, лёгкая тошнота — ощущения накатывали волнами, не давая собраться с мыслями.

Именно это чувствовала она в те секунды перед тем, как открыть глаза.

Реальность возвращалась неохотно: пространство плыло, контуры предметов расплывались, не желая складываться в чёткие формы. Она поморгала, пытаясь вернуть фокус, и наконец смогла разглядеть детали.

Капельница — тонкий катетер, уходящий к руке. Монитор — цифры и линии, ритмично меняющиеся. Кушетка, на которой она лежала. И столик рядом, усыпанный апельсинами и цветами.

Осознание пришло не сразу, но теперь оно было твёрдым: она в больничной палате.

— Очнулась, спящая красавица, — с нежностью произнёс Джек. Он сидел рядом, его рука потянулась к её. Пальцы легли поверх её ладони — не крепко, а бережно, как держат что-то очень хрупкое.

Она не сразу поняла, что рядом кто-то есть. Сначала лишь тело само по себе дёрнулось, выдавая внезапное напряжение, а уже потом взгляд скользнул в сторону фокусируясь на нём.

— Как ты себя чувствуешь? — тихо спросил Джек, не сводя с неё глаз. Большой палец медленно скользил по её коже, лаская ее руку.

— Эм… пока не знаю, — наконец выдохнула она хрипло, голос звучал непривычно чужим, ломким. Она плавно, почти осторожно забрала руку — не отталкивая, а так, будто ей нужно было хоть немного пространства, чтобы снова почувствовать себя собой.

— Что со мной было? — Анора нахмурила брови, снова обвела взглядом палату, будто пыталась сложить в единую картину разрозненные обрывки воспоминаний.

Джек не торопился с ответом. Он просто смотрел на неё, и в этом взгляде было столько облегчения, он так долго балансировал на грани, что теперь, когда опасность отступила, эмоции прорвались наружу. Он потянулся к её губам — как мужчина, которому только что вернули самое дорогое.

— Доктор Дэймон, я тоже рада вас видеть, но не настолько, — резко, отозвалась Анора, чуть отклонив лицо. В этом движении была растерянность человека, который ещё не успел вернуть себе равновесие, сейчас любая резкость казалась слишком громкой, любая близость — слишком внезапной.

— Доктор? — повторил Джек, застыв на месте. Смущение Аноры взволновало его.

В один миг лицо Аноры изменилось: глаза распахнулись, в них вспыхнула острая, почти паническая тревога.

— Стив! Как он? Как прошла операция? — выпалила она.

— Анора, — его голос прозвучал чуть хрипло, и в этой хрипоте слышалось напряжение, которое он не мог скрыть. — Что последние ты помнишь?

— Ну… — Анора запнулась, подбирая слова. — Стив был на операции костной челюстной ткани. Я была там. Ждала, когда всё закончится. — Она замолчала, нахмурилась, пытаясь

вытянуть из памяти хоть что-то ещё. — А дальше… ничего не помню. Я… потеряла сознание? — Она резко обернулась к Джеку, и в её взгляде читался не просто вопрос — в нём был страх.

Джек застыл. Секунду, две, три — он будто перестал дышать. Его лицо исказилось так, что у неё внутри всё оборвалось. В его глазах плескалось мучительное отчаяние, такое глубокое, что ей стало физически холодно лишь от одного его взгляда.

— Что произошло?! — она смотрела на него, и с каждым мгновением тревога становилась тяжелее.

Он не ответил. Вместо этого медленно, отступил назад, развернулся и уставился на мусорную корзину у стены — на этот нелепый, обычный предмет, который вдруг стал точкой, куда можно было направить всё, что рвалось изнутри.

— Доктор Дэймон, вы в порядке? — голос Аноры прозвучал где-то на фоне.

— НЕТ! — он ударил по корзине ногой, и звук удара отозвался в стенах, в её груди, в каждой нервной клетке. Та взлетела и разлетелась, а содержимое рассыпалось по полу, звеня, шурша, разлетаясь по углам палаты.

Анора застыла, вжавшись в кровать, совершенно не понимая, почему он так реагирует.

— Анора, вчера ты была моей VIPпассажиркой в экспрессе счастья — прямо в «космос», и это твоя же цитата!— с истерическим глумлением в голосе парирует Джек, в отчаяние сверля её взглядом.

Анора продолжала сидеть не дыша, с широко распахнутыми от шока глазами.

Он приблизился стремительно, одним движением, и наклонился к ней так близко, что она чувствовала его дыхание. Глаза чёрные, горящие, в них плескалась одержимость, которую он даже не пытался скрыть, смешанная с опасностью.

— Анора, клянусь… я заставлю тебя вспомнить, даже если для этого мне придётся вымостить дорогу в ад…

Днем ранее….

«Только не сейчас. Только не с ней». «Даже если сам Бог хочет забрать ее — клянусь, я не отдам», — эти мысли билась в голове Джека, как набат, заглушая все остальные звуки.

Босиком, в одних штанах, он подхватил Анору на руки и рванул из дома. Каждый шаг отдавался в висках тяжёлым ритмом: *быстрее, нельзя останавливаться*. Ветер, мелкий дождь — всё это было фоном, шумом, который он отсекал, оставляя только главное: её дыхание у своего плеча, её пальцы, впившиеся ему в шею.

Джек торопливо нес её к машине. Холод асфальта под ступнями почти не чувствовался — всё вытеснил ледяной, колючий страх, который сжимал грудь стальным обручем.

— Всё будет хорошо. Клянусь, я не дам тебе умереть, — произнёс он жёстко, будто отдал приказ самой судьбе, заставляя подчинится его воле.

— Джек, почему ты так напуган? — спросила она так будто пыталась удержать хоть каплю спокойствия.

Он осторожно усадил её в машину, стараясь не трясти и не причинить лишнего дискомфорта. На мгновение он мягко прижался лбом к её лбу, а потом неохотно отстранился, чтобы посмотреть на неё.

— Я не напуган солнышко, — сказал он ровно, глядя ей прямо в глаза, но она его даже не видит. — Просто не хочу терять ни секунды.

Он выпрямился, захлопнул дверь и рванул на водительское место, уже просчитывая в голове самый короткий маршрут до больницы.

— Что происходит? Скажи мне правду.

Джек не ответил сразу. Вместо этого он резко, но бережно взял её руку и крепко сцепил со своей.

Другой рукой он держал руль, чувствуя, как вибрирует корпус машины от бешеной скорости.

— Анора, сейчас я буду задавать вопросы, а ты отвечай чётко и быстро. Это важно.

— Ты пугаешь меня, — повторила она уже тише, почти всхлипнув, и тут же попыталась взять себя в руки, будто стыдясь этой слабости.

Джек мчал к «ЛайфПлас». Время будто сломалось: секунды тянулись, как часы.

Сейчас имело значение только одно: стрелка спидометра, ползущая вверх, и дорога, которая должна стать короче любой ценой.

— Была ли ты сегодня в каком ни будь месте впервые?

— Да. У тебя, — остро отвечает она.

Клаксон взвыл — Джек вдавил кнопку до упора, будто этот резкий звук мог заставить впереди идущую машину ехать быстрее. Но она продолжала тащиться.

Не теряя времени, Джек резко выкрутил руль, ушёл на встречную полосу и рванул вперёд, обходя медлительную машину. Он дождался просвета, снова крутанул руль — и влился обратно в свой ряд.

— Нет, родная. Думай ещё.

— Джек, я не буду думать, пока ты не объяснишь, что происходит! — голос Аноры сорвался на резкий, почти злой тон, но в нём слышалась дрожь. — «*Я не дам тебе умереть!» «В каких местах ты была?!*» — передразнила она его же слова, и в этой пародии не было насмешки — только боль от того, что он знает больше, чем говорит. — Ты запихнул меня в машину в одной рубашке с голой жопой! Я, может, не вижу, но я всё чувствую. Ты напуган!

Она резко выдохнула, и вся её злость вдруг осела, стала тише, беспомощнее.

— Мне и так страшно, — прошептала она, и это признание прозвучало как удар под дых. — Твоя реакция кричит громче любых слов. Ты знаешь, что со мной. Я не маленькая, выдержу. Скажи мне правду.

— Во первых, твою голую попку никто не увидит, моя рубашка на тебе почти как платье, а вот вторых… — Джек делает паузу, и буквально на пару секунд меняет внимание с дороги на Анору. — Я никому не позволю на тебя смотреть, эти совершенства только для моих глаз и восторгаться тобой буду только я, — заявил он прямо, не сбавляя скорость.

— А я не говорю тебе о том что переживаю что кто то будет лицезреть мой зад, я говорю о твоей реакции! Что со мной Джек?!

— Джек берет паузу, сжимая крепко руку на руле, потом медленно разжал, словно пытался вернуть себе контроль.

— Просто скажи, — умоляет Анора.

Джек не отрывает взгляда от дороги и молча мчит, выжимая из машины максимум — скорость почти на пределе.

— Джек… — не унимается она.

Он словно через силу, с явной неохотой, наконец размыкает губы:

— Кисель рассказал тебе, как умерла моя пациентка?

— Мы не успели об этом поговорить.

— Она поступила к нам со слепотой и носовым кровотечением.

Анора судорожно сглатывает — до неё вдруг всё доходит в одно мгновение. Едва восстановив дыхание, она выпаливает:

— Я видела её утром — меня тогда Моррисон вызвал, чтобы сообщить об увольнении. Я не знала, с чем она поступила в клинику. А про слепоту… я думала она с этим давно живет, — в голосе Аноры неподдельное удивление.

— Мне нужны ответы, — жёстко требует Джек. — Как вы обе могли получить заражение?

— Может, она заразила меня, когда мы общались? Мы поговорили минут пять, — предполагает Анора.

— Исключено, — твёрдо отрезает Джек. — Иначе заразились бы и мы — я, Дюк и Тайлер. Мы-то с ней возились куда дольше пяти минут.

Анора замирает на пару секунд, а потом произносит обречённо, будто извиняясь:

— Я была у неё дома.

— Что?! Как?! — Джек резко оборачивается к ней.

— Кажется, я знаю, что служит источником заразы…

Но закончить фразу она не успевает. Тело Аноры вдруг начинает содрогаться в судорогах. Острая боль пронзает каждую мышцу. Она вскрикивает от внезапной, невыносимой боли.

— Чёрт! — до больницы оставалось несколько секунд. Джек выругался сквозь зубы и вдавил акселератор до упора. Машина взвыла, стрелка спидометра ушла в красную зону. Скорость стала опасной, граничащей с безумием. До больницы оставалось несколько секунд.

Резкий тормоз, хлопок двери, рывок вокруг капота. Он распахнул пассажирскую дверь, подхватил Анору на руки. Её тело обмякло, голова безвольно откинулась — она балансировала на грани потери сознания, терзаемая болью, которая ещё пару секунд назад сковывала всё тело.

— Джек, — с трудом шепчет она, пытаясь хоть как то держаться за шею Джека. — Я не вынесу этой боли, я не смогу, я не выдержу… — выдавила она из последних сил перед тем как отключиться.

— Каталку, быстро! — скомандовал Джек, едва переступив порог «ЛайфПлас».

Дежурные на пару секунд застыли, оглушённые внезапным появлением главврача — полураздетым, босым, с Анорой на руках, такой же раздетой, прикрытой одной лишь рубашкой.

В их глазах читалось не просто удивление: Дэймон, которого они знали как собранного, холодного, непробиваемого, впервые казался сломленным страхом.

— Блять, вас коротнуло что ли?! — свирепствует Джек. — Бегом!

Его голос ударил как ток по каждому присутствующему. Коллеги дернулись и рванули к нему, не только потому, что так велели правила, но и потому, что в его голосе звучала неприкрытая паника за ту, что лежала у него на руках.

— В инфекционный отдел оформляйте, — командует строгим тоном Джек, укладывая осторожно её на каталку.

Движения его точны, но в каждом — натянутая, звенящая спешка.

— С чем она поступила? — спрашивает один из медиков, подготавливая капельницу на месте.

— Слепота и кровотечение носа, — хрипло ответил Джек.

Коллеги обернулись на Джека синхронно, выражая настоящее недоумение и удивление. В их взглядах читался не просто вопрос — в них был испуг от повторения сценария, который никто не хотел видеть снова.

— Опять?? Как так-то?! Звонить в ЦКЗ? — запаниковал один из дежурных.

— Нет, созовите всех моих, весь инфекционный отдел, кроме Кэтрин Бэйкер. Скажите — случай срочный.

— Морфин вводить?

— Нет, — Джек сглотнул, не сводя с Аноры напряжённого взгляда. Он замер на секунду, мысленно перебирая варианты, взвешивая риски, и, приняв решение, твёрдо добавил:

— Введите её в медикаментозную кому.

***

— Джек, как она могла заразиться, а мы — нет?! — недоумевал Тайлер. Он сидел за столом в кабинете, напряжённо вглядываясь в результаты диагностики Аноры.

Джек не произнёс ни звука. Он сосредоточенно изучал снимки МРТ головного мозга.

Дюк сидел рядом, ссутулившись и опустив голову. Он опирался локтями на колени, ладони были скрещены, взгляд упирался в пол.

Атмосфера в кабинете была тяжёлой, пропитанной тревогой и безмолвным напряжением.

— Зачем ты ввёл её в медикаментозную кому, Джек? — снова заговорил Тайлер.

Джек игнорирует. Он по-прежнему не отрывал взгляда от снимка МРТ, методично изучая каждый участок фиксируя детали, не позволяя себе отвлечься.

— Что там? Есть изменения? — не унимался Тайлер, подавшись вперёд, будто надеялся разглядеть снимок через плечо Джека.

— Это я во всём виноват, — тихо произнёс Дюк, и в его голосе проступила тяжесть, которую невозможно было скрыть. — Я привёл сюда Ванессу…

— Да, лучше бы ты её оставил умирать на остановке, — Тайлер произнёс это с нарочитой иронией. — Ты ни в чём не виноват, Дюк. Ты сделал то, что должен был.

— Если бы я этого не сделал… Анора была бы жива, — выплюнул Дюк.

— Ты, блять, выражение подбирай, — рявкнул Джек. — Анора жива! — Он резко откинул снимок на стол, и тот отлетел на край стола. — Пока я тебя тоже в медикаментозную кому не отправил, без морфина.

— Доктор Дэймон, простите, просто… — Дюк на секунду замер, собираясь с силами, чтобы продолжить. — Просто я объективно смотрю правде в глаза. Мы видели, что было с Ванессой, за сутки… Вирус Аноры ещё быстрее развивается.

— Дюк, лучше помолчи, — произнёс Тайлер ровно, но в интонации чувствовалась стальная твёрдость.

— Доктор Дэймон сам сказал! Сначала кровь, и через три минуты наступила слепота — всё как с Ванессой! Вот только у Ванессы ломка суставов и жгучая боль пришла гдето через шесть часов. А вы, пока ехали в больницу, сколько времени прошло? Минут пятнадцать максимум? — Тайлер подался вперёд, удерживая прямой взгляд на Джеке, словно требовал от него честного ответа. — Ей стало так больно, что она потеряла сознание, и вы ввели её в кому, лишьбы она не чувствовала страданий. Так давайте смотреть правде в глаза: сколько ей осталось?!

— Дюк, вот правда, заткнись уже, — предупреждающе шепчет Стив, не сводя взгляда с Джека. Тот смотрел на Дюка так, будто удерживал себя от резкого движения — в его взгляде читалась холодная, напряжённая сдержанность.

— Тук-тук, мальчики, извините, задержалась, — дверь приоткрылась, и в кабинет вошла Лия. Под глазами залегли тени, плечи слегка поникли от усталости, а пальцы крепко сжимали стаканчик кофе. — Весь день пахала, домой приехала ни жива ни мертва и только кости в кровать бросила, как звонят и говорят: в ночь выходить. Сегодня что, пятница тринадцатое?!

В этот момент вся сдержанная ярость, копившаяся в Джеке во время разговора с Дюком, мгновенно обратилась на Лию. Он стремительно шагнул к ней, схватил за шею и прижал к стене — без жестокости, не причиняя боли, но давая почувствовать непреклонную силу.

— Пахала? Где ты пахала, а?! — холодно спросил Джек, не ослабляя хватки.

Дюк и Тайлер резко вскочили на ноги, будто их подбросило пружиной.

— СЕЛИ! — властно скомандовал Джек, даже не обернувшись на них.

Коллеги резко замерли, переглянулись и, хоть и неохотно, вернулись на свои места.

— Я вот думал всё: почему Анора заразилась, а ты нет? Ты ведь тоже была дома у Ванессы… Ведь была же?! — Джек допрашивал её с пугающей, почти хищной интонацией, чуть сжимая её шею.

Лия издала сдавленный хрип — в нём смешались боль и испуг.

Терпение Тайлера лопнуло: он вскочил и стремительно приблизился к Джеку.

— Джек, отпусти её, так она тебе точно ничего не скажет, ты ей все связки сжал, — попытался помочь Тайлер Лии. — Отпусти, Джек, — аккуратно повторяет он, положив руку ему на плечо.

Джек ещё несколько секунд не сводил с неё злобного взгляда. Затем, собрав всю волю в кулак, он резко убрал руку с её шеи и отступил на шаг назад.

Лия тут же схватилась за шею, театрально втягивая воздух, и несколько раз судорожно откашлялась — словно только сейчас смогла сделать полноценный вдох.

— Я жду ответов, — злобно потребовал Джек, сверля взглядом Лию.

— Я правда была там, — хрипло выдала она, с усилием проталкивая слова сквозь слегка саднящее горло. — Я была в этом чёртовом доме! И там всё стерильно чисто, я клянусь!

— Джек, причём тут Лия?! — голос Тайлера прозвучал резко, будто он пытался разорвать эту давящую напряжённость.

— При том, что Лия была в доме Ванессы по моей просьбе. Но она, как видите, здорова, — констатирует с яростью Джек. — Я не уверен что она вообще там была.

— И что?! — недоумевает Тайлер.

— А то, что Анора тоже была в этом доме.

В кабинете повисла гробовая тишина. Воздух будто застыл, пропитанный тяжестью внезапного удивления.

— Источник заразы точно в доме Ванессы. Её сестра приезжала к ней, она тоже умерла — самая первая. Потом хозяйка дома, потом Анора заражается. Все они побывали в её доме. Ну, видимо, кроме Дылды, — Джек злобно посмотрел на неё, и в этом взгляде не было ни капли снисхождения.

— ДА КЛЯНУСЬ Я! БЫЛА ТАМ, КАК ВЫ И ПРОСИЛИ! — голос Лии сорвался на крик, в нём смешались обида и отчаяние.

— Возьмите карту Ванессы, просмотрите её утреннюю диагностику и сравните с диагностикой Аноры. Я хочу понять, в чём разница, почему этот вирус сжирает её быстрее чем Ванессу. Звоните мне сразу, как что-то узнаете, — распорядился Джек тоном, не терпящим ни споров, ни промедления.

— Звонить? — переспросил Тайлер, в его взгляде читалось искреннее непонимание.

— Я поеду в дом Ванессы, нельзя терять время. Вы работаете здесь, я — там.

— Джек, это слишком опасно, ты можешь стать следующим, пусть ЦКЗ этим занимается! — крикнул Тайлер, глядя на медленно захлопывающуюся дверь. Джек ушол, даже не дослушав.

Его совершенно не заботили риски — его волновало только одно: спасти Анору, чего бы ему это не стоило.

***

Джек вошёл в уже опечатанный дом, перешагнув через маркированную ленту. Стало очевидно, что местные власти уже побывали здесь, как и специалисты ЦКЗ, прибывшие на поиски источника заразы.

Он остановился в гостиной, огляделся и достал телефон. Экран высветил время — глухая ночь. Джек набрал контакт, подписанный одним словом: «Истеричка».

Гудок. Второй. Третий. Он ждал, не сводя глаз с лестницы, ведущей на второй этаж.

— Только такой идиот вроде тебя может звонить мне в два часа ночи! Чего тебе надо, демоническая обезьяна! — хрипит спросонья Моррисон, но в голосе явно слышится злость.

— Санитарная инспекция была в доме покойной Ванессы? Я хочу знать, что они нашли, — твёрдо произносит Джек.

Тишина на линии. Потом — Джек слышит, как на том конце Моррисон тянется к выключателю. Щелчок. Глухое раздражённое ворчание. Ещё секунда, и его голос обретает новую глубину, будто злость наконец прогнала остатки сна.

— Вот блять, я знал, когда оформлял тебя на работу, что пожалею об этом! Сука! Два часа ночи! Ты не человек! Самородок!

— Моррисон, — Джек прикрыл глаза и зажал переносицу пальцами. Тяжёлый вдох, пауза. — Не бросай трубку.

Моррисон замер. Этот голос он узнал бы из тысячи — но сейчас в нём не было ничего знакомого. Никакого сарказма, никакого цинизма. Только голая, отчаянная серьёзность. Мор-

рисон поднялся с кровати, прижал телефон к уху и приготовился слушать. Что бы это ни было, оно было важным.

— Что стряслось, Джек? — голос босса стал внимательным и сосредоточенным.

— Анора Грей сейчас в коме. У неё кровотечение носа, слепота и адские судорожные боли. Мне нужна информация, и срочно. Счёт идёт на минуты, Дон. Это очень важно.

Моррисон молчал. Пауза тянулась, и в этой тишине Джек слышал только своё дыхание и далёкий шум на той стороне провода. Каждая секунда молчания давила на грудь, забирая воздух, которого и так не хватало.

— Хорошо, я сейчас попробую что-нибудь узнать. Но, Джек… время… сам понимаешь. Возможно, я ни до кого не дозвонюсь. Как это черт возьми могло произойти?!

— Я не знаю… Я всё переверну здесь, но ты должен ускорить процесс. Узнай, что известно в ЦКЗ, — твёрдо сказал Джек и сбросил вызов. Убрав телефон в карман куртки, он приступил к осмотру.

Он начал с кухни. Шкафчики, холодильник, полки, цветы на подоконнике — всё было чисто. Блестяще, стерильно чисто, как и клялась Лия. Ни пылинки, ни пятна, ни единого намёка на небрежность. Джек открывал и закрывал дверцы, проверял ящики, ощупывал поверхности. Ничего. Абсолютно ничего. Он двинулся дальше — в гостиную, в ванную, в каждую комнату, аккуратно, методично, не пропуская ни одного угла. Где-то здесь скрывался ответ, но он пока не давался.

Телефон в кармане завибрировал. Джек достал его и посмотрел на экран. «Диарея».

— Джек, я не понимаю, что нужно искать. Ванесса и Анора по показателям диагностики одинаковые, обе были здоровы, никаких патологий.

— Тайлер! — крикнул зло в трубку Джек. — Заражение Аноры в сравнении с Ванессой бежит с разницей в шесть часов! У Ванессы было то, чего нет у Аноры. Не надо мне втирать, что разницы нет! Есть, и это очевидно!

На том конце повисла пауза. Тайлер устало вздохнул, и в этом выдохе было всё: бессилие, напряжение и тихое понимание того, что Джек прав.

— Я не знаю, что сказать… — отчаянно произносит Тайлер. — Единственное, что было у Ванессы, — это мигрень, и то купированная, она её почти не мучила. Ладно, будем дальше искать.

— Подожди, — резко выдаёт Джек и тянет паузу. Тайлер замирает, прижимая телефон к уху. На том конце тихо. Джек размышляет.

— Ну конечно! Мигрень!

— Не понял, — недоумевает Тайлер. Он слышит восторг в голосе Джека и не понимает, откуда он взялся.

— Мигрень повышает возбудимость определённых зон головного мозга. Это мешало инфекции жрать её мозг так же быстро, как у Аноры.

— Даже если это так, у Аноры нет этого заболевания.

Тайлер произнёс это ровным голосом, но внутри уже закипало бессилие. Они ходят по кругу. Каждая версия разбивается о следующий вопрос.

— Тайлер, посмотри вниз. Под ногами ничего не валяется?

— Нет. А что должно быть?

— Твой мозг, потому что он нахуй выпал! Как объяснить ещё твой кретинизм, — бесится Джек, не сдерживая гнева. — Вколи ей нитроглицерин.

— Ааа, — тянет Тайлер, и тут же резко добавляет:

— Нет, я ничего не понял. Джек, я правда стараюсь, но сутки не спать… мозг даёт сбой.

— Твой мозг даёт сбой не потому что он не спал, а потому что его носитель дегенерат! Нитроглицерин спроецирует возбудимость мозга, у неё начнётся мигрень. Это поможет задержать инфекцию.

— Джек, ты хоть представляешь, что ты предлагаешь?! Заразить её намеренно! Даже если она выживет, как ей потом с этой мигренью жить?! — ошеломлённо поражается Тайлер.

— Тайлер Блять! Мне похуй на мигрень! Лучше живая с мигренью чем мертвая но умиротворённая! Она будет жить с мигренью или без но она будет жить! Ясно тебе?!

— Хорошо, я все сделаю, — обречённо выдохнул Тайлер.

— Я вылечу её… купирую с помощью анальгетиков. Не тяни, вводи прямо сейчас, пока инфекция не дошла до жизненно важных участков мозга.

Джек бросил трубку. Экран погас. Он стоял посреди пустой кухни Ванессы, сжимая телефон в руке, и несколько секунд просто смотрел перед собой. Потом убрал телефон в карман и принялся искать, переворачивая каждую поверхность. Ответ был где-то здесь, и Джек не уйдёт, пока не найдёт его.

Он знал: Анора заразилась здесь. В этих стенах. В этом воздухе. Но как — не укладывалось в голове, рассыпалось на обрывки, не собиралось в единую картину. Источника не было. Ни следа. Ни намёка. Ничего.

Он обошёл всё. Два этажа. Каждый угол. Каждую щель. Каждый миллиметр.

Время текло, будто нарочно замедляясь, растягивая каждую секунду в вечность. Он стянул перчатки, облокотился на комод, и желваки на скулах заходили так резко, что казалось, кости вот-вот прорвут кожу. Перед глазами мелькали вещи — книги, журналы, расчёска, ваза. Обычные предметы. Бесполезные. Бессмысленные. Пять секунд он удерживал себя, цепляясь за остатки самоконтроля. Потом рука рванулась вперёд — и всё полетело вниз. Грохот ударил по ушам, отразился от голых стен, и в этом звуке была вся его беспомощность, вся его ярость.

Телефон зазвонил — резкий, настойчивый звук, ворвавшийся в тишину. Джек замер, опустил голову, сделал вдох, потом ещё один. Он не хотел, чтобы в голосе прозвучало то, что сейчас рвалось изнутри. Ещё секунда. Ещё один выдох. И только потом он поднёс трубку к уху.

— Джек, эксперты ЦКЗ ничего не смогли найти. Нет в её доме источника заразы, — на том конце трубки послышался голос Моррисона.

— Они вскрывали её тело? Что экспертиза показала при вскрытии?!

— Её не стали вскрывать. Не имея понятия с чем они имеют дело, и без понятия что послужило источником, даты планового вскрытия у них пока ещё нет.

Пальцы Джека разжались, и телефон полетел в стену. Аппарат ударился, отскочил и упал на пол, рядом с разбросанными вещами что он скинул с комода.

Он стоял один в разорённой комнате. Вокруг — разбросанные вещи, опустошённые полки, голые стены. Тишина давила. Он опустил голову и закрыл глаза. Анора лежала в коме, счёт шёл на минуты, а он стоял здесь, в доме мёртвой женщины, и не мог найти того, что спасло бы жизнь единственному человеку, ради которого он готов был сжечь мир дотла.

Его взгляд вновь рассеянно скользнул по разбросанным вещам — книги, журналы, осколки вазы, — не задерживаясь ни на чём. Всё это было лишним, ненужным, пустым. И только коробка, возле которой лежал его телефон, заставила взгляд остановиться. Джек наклонился и поднял её. Внутри лежали зёрна и семечки. На коробке — надпись: «Корм для грызунов».

Джек замер. Ни клеток. Ни запаха. Ни средств по уходу. Ничего, что говорило о присутствии животных в этом доме. Полная, вылизанная чистота — и коробка с кормом для грызунов посреди всего этого. *Зачем? Кому?* Джек стоял с коробкой в руках, и внутри медленно, постепенно, начало нарастать что-то — не ответ, но предчувствие ответа. Того самого, который он искал.

— Твою мать! — осознание пришло почти мгновенно. Джек понял, что тогда в машине Анора хотела сказать ему.

Ещё днем, в больнице, Анора молвила что ей нужно кормить крысу, Джек понял чья это была крыса.

Он швырнул коробку и бросился к двери. Нога запуталась в вещах на полу, он споткнулся, выругался, обернулся за телефоном, схватил его и выскочил из дома.

Сердце билось так, что отдавалось в висках. Он прыгнул в машину, завёл двигатель и вдавил педаль газа в пол.

Джек прокручивал варианты. Все, какие мог придумать. Крыса у Аноры — как? Он перебирал в голове каждый шаг, каждый разговор Аноры за последнее время, пытаясь выстроить цепочку, которая привела бы к ответу.

Джек достал телефон и пролистал контакты, нашёл нужный номер и нажал вызов.

На том конце долго не отвечали. Наконец раздался голос — женский, очень сонный:

— Алло, доктор Дэймон, что-то случилось?

— Келли, кто сегодня работал в приёмном отделении?

— Я с Роуз, а что? — Келли тёрла глаза, пытаясь проснуться.

— Кто утром оформлял Ванессу?

— Какую Ванессу?

— Ту, чье тело отдали в ЦКЗ. Слепую с носовым кровотечением.

— Я, — настороженно ответила Келли. Тон её мгновенно изменился — сонливость отступила, и в голосе появилась напряжённость.

— Вспомни, когда её оформляли, к вам приходила Анора Грей? Девочка из моего отделения.

Келли помолчала. Джек слышал, как она шевелится — наверное, садится на кровати, собираясь с мыслями.

— Да, они даже пообщаться успели.

— О чем они говорили? И зачем она к ней вообще подошла?!

— Анора шла по коридору, я крикнула ей, что к вам в отделение поступает пациентка. Анора подошла к ней, представилась. Потом стала рассказывать ей о вас — хотела, наверное, успокоить, сказать, что попадёт в хорошие руки. Но вышло… не очень, — Келли осеклась, и Джек почувствовал, что она подбирает слова, не решаясь сказать как именно Анора представила Джека, в язвительной форме.

— Дальше что?! — в голосе Джека не было злости, только острая, звенящая необходимость знать. — Как Анора оказалась в её доме?

Келли на секунду запнулась, будто пыталась собрать разрозненные детали в единую картину.

— А! Пациентка одна жила, у неё то ли хомяк, то ли крыса какаято. Она всё переживала, что пока будет лежать в больнице, зверёк умрёт с голоду. Анора предложила помочь — сказала, что заберёт его к себе на время, пока та не выздоровеет и не вернётся домой. Та обрадовалась, и ключи ей от дома дала.

Джек замер. В груди чтото сжалось, а потом резко отпустило — будто он наконец ухватил ту самую ниточку, за которую можно потянуть. Всё сходилось. Слишком чётко, слишком логично, чтобы быть совпадением.

Он сбросил вызов и кинул телефон на сиденье. Дорога до дома Аноры заняла пятнадцать минут, каждая из которых тянулась невыносимо долго.

Джек мельком глянул на часы, подъезжая к её дому. Почти четыре утра. Рейчел — мать Аноры, спала, но её сон заботил его меньше всего.

Он позвонил в дверь. И продолжал звонить. Палец не отрывался от кнопки — длинные, непрерывные, назойливые гудки, один за другим, заполняли дом. Секунды шли. Джек не сбавлял. Где-то внутри загорелся свет. Шаги. Быстрые, неровные. Замок щёлкнул, и дверь распахнулась.

Рейчел — в мятом халате, наброшенном наспех, руки ещё завязывают пояс, волосы растрёпаны, лицо сонное и уже испуганное.

— Господи Боже, Джек! Что за пожар!

Джек не стал ждать. Не стал объяснять. Он шагнул внутрь, и Рейчел отступила, пропуская его. Он вошёл в коридор, и его взгляд сразу ушёл вглубь дома — по стенам, по полкам, по углам, по дверным проёмам. Он осматривал всё. Быстро, цепко, не упуская ничего.

— Что случилось, Джек? Где Анора?! Почему ты один?! Разве она не к тебе поехала? — Рейчел шла за ним по пятам, заглядывая ему в лицо, пытаясь поймать взгляд.

— Где крыса? — произнёс он не поворачивая головы.

— Что случилось с Анорой?! — Рейчел догнала его, встала перед ним, заставляя остановиться. Голос строгий, взгляд злой. — Джек! Я спрашиваю тебя!

Джек на секунду замер и посмотрел на неё. Пауза была короткой, но Рейчел хватило — она побледнела.

— Она спит. Всё хорошо, — наконец выдал он.

— Фу, Господи… — мать выдохнула, схватившись за косяк. Колени чуть не подогнулись. — Тогда что ты тут делаешь один в четыре утра?!

— Я пришёл за крысой Аноры.

Тишина. Рейчел моргнула. Потом ещё раз. Крыса. Четыре утра. Джек стоит в её коридоре и говорит про крысу. Она смотрела на него в полном недоумении, и Джек понял без слов — нужны объяснения. Нормальные. Хотя бы похожие на нормальные.

— Анора забыла покормить крысу. Они очень капризны, — он начал сочинять, и на лице его при этом расцвело настолько глупое выражение, что в другой ситуации Рейчел бы рассмеялась. — Если их не кормить… вовремя, они… умирают, — почти придурковатым и растерянным тоном добавил он.

Рейчел медленно скрестила руки на груди, подняла подбородок.

— Джек, если прямо сейчас ты не накормишь меня правдой, умрёшь ты, а не крыса.

Джек впервые в жизни чувствовал себя ребёнком. Не профессиональным врачом, не доктором Дэймоном, который несколько часов назад без тени сомнения погрузил человека в кому, и приказал заразить мигренью. Ребёнком. Маленьким, виноватым, стоящим перед матерью Аноры, и не знающим, с чего начать признание.

— Спрошу ещё раз, где Анора, Джек? — голос Рейчел был серьёзный, прямой. Спокойный — тем опасным спокойствием, которое бывает у матерей за секунду до того, как спокойствие кончится.

— Спит, — коротко и тихо ответил Джек. Настолько неубедительно, что даже он сам почувствовал, как это прозвучало.

— Где? — рука Рейчел потянулась к полотенцу, лежавшему на спинке стула. Джек заметил это движение и инстинктивно отступил на шаг.

— В реанимации, — ответил он ещё тише, делая ещё один шаг назад.

Рейчел замерла на месте. Она начала заикаться — тихо, беспомощно, пытаясь выдавить из себя вопрос:

— Она… то есть… её жизнь…

— Сокращается, — ответил он не задумываясь и тут же замер.

Рейчел глубоко вдохнула. Потом ещё раз. Рука её, совершенно самостоятельная, тем временем наматывает полотенце на кисть — методично, плотно, и очень быстро, слой за слоем. Джек смотрел на это и чувствовал, как по спине пробежал холодок. Эмоции она пока держала. Но полотенце наматывала с пугающей профессиональностью.

— Ты сказал, она спит…

— Ну да, — Джек выставил перед собой руки. — В коме…

Последнее слово он выплюнул на выдохе, уже понимая, что зря. Намотанное полотенце рассекло воздух и ударило его по плечу — резко, с замахом.

— Убью! — Рейчел замахнулась снова. Удар — в грудь. Ещё — в шею. — Что с моей дочкой?! — кричала она, не останавливаясь, не давая ему открыть рот.

— Я пытаюсь ей помочь! — Джек отступал, уворачивался, закрывался руками. — Мёртвый я ей не смогу помочь, Рейчел!

Джек поймал полотенце — перехватил на лету, сжал и дёрнул на себя. Рейчел рванулась вперёд, и он выдернул полотенце, отбросив в сторону. Руки легли на её плечи — крепко, но без грубости.

— Я здесь, чтобы ей помочь, Рейчел. Её заразила крыса. Просто скажи, где она. И я спасу твою дочь. Клянусь богом — я не дам ей умереть.

Рейчел замерла. Дыхание рваное, щёки мокрые, но взгляд уже не яростный — он стал другим. Внимательным. Серьёзным. Она смотрела Джеку в глаза и видела там то, что ей нужно было увидеть: не испуг, не растерянность, не сомнение. Твердость. Он точно верит в то, что говорит. Рейчел поняла: что бы ни случилось с Анорой, возможно Джек — единственный, кто может её спасти. И если доверять кому-то жизнь дочери, то в первую очередь ему.

Она вытерла слезы ладонью, и тихо произнесла:

— Крыса на втором этаже. В спальне Аноры.

***

Не могу поверить, что ещё позавчера мы были командой, которая превосходно решала задачи. Мы спасали людей, всё работало. А потом — за один день, Отстранение Кэт, увольнение Аноры, смерть пациентки, от не известной нам заразы. Потом заражение Аноры, и вот она уже в коме. И после всего этого я получаю приказ заразить мигренью и без того умирающего человека. — Тайлер откинулся на спинку стула и провёл рукой по лицу. — Именно так, наверное, и выглядит ад.

Дюк смотрел на Тайлера усталыми глазами человека, который не спал уже вторые сутки и не видел конца этому дню.

— Джек должен чтото придумать, — тихо, но твёрдо произнёс Дюк. — Он должен успеть.

Его слова повисли в воздухе, и в ту же секунду тишину кабинета разорвал негромкий, но отчётливый храп. Лия сидела за отдельным столом у окна, склонив голову на сложенные руки. Рот чуть приоткрыт, на уголке губ — тонкая ниточка слюны.

Тайлер замер, потом медленно перевёл взгляд с Лии на Дюка.

— Ты звонил Кэт? Она в курсе?

— Нет, — Дюк покачал головой. — Не стал будить. Утром всё равно узнает. Пусть поспит спокойно. Да и чем она сейчас поможет?

Дверь резко распахнулась, и в кабинет влетел Джек — стремительно, будто его вытолкнули пружиной. В руках он сжимал клетку с крысой. Дверь за ним захлопнулась с таким гулким хлопком, что стены, казалось, вздрогнули.

Лия резко дёрнулась всем телом, издав короткий храп, и в моменте не успев толком открыть глаза быстро произнесла:

— Не надо клизму!

На секунду повисла тишина. Лия замерла, потом медленно приоткрыла один глаз, осознала, где она, и что вообще происходит. Быстро стёрла слюну с подбородка, торопливо пригладила волосы и села ровно — спина прямая, лицо серьёзное.

Все в комнате смотрели на Джека. Даже Лия — теперь уже абсолютно бодрая и предельно внимательная.

Джек поставил клетку с крысой на стол. Металл глухо звякнул о столешницу. Он обвёл взглядом комнату и остановился на Тайлере — взгляд тяжёлый, без намёка на шутки.

— Диарея, ты вколол нитроглицерин Аноре? — Джек произнёс это тихо, но от тона повеяло таким холодом, что Тайлер невольно подался назад. Взгляд — прямой, тяжёлый, в упор.

— Джек, честно, я не смог, — Тайлер отвёл глаза, и Джек уже подался вперёд, сжав челюсть, но Тайлер не закончил:

— Лия вколола. Без колебаний.

Пауза. Джек перевёл взгляд на Лию.

— Обращайтесь, — сказала она деловым тоном, не моргнув.

Джек едва заметно выдохнул. Откинулся на спинку кресла, позволил плечам опуститься. Впервые за эту ночь напряжение отпустило его.

Все в кабинете смотрели на Джека. Молча, не шевелясь, с тем выражением лица, которое бывает у людей, ждущих приговора. Напряжение росло с каждой секундой. Лия сидела ровно, Тайлер сложил руки на столе, Дюк не дышал. Никто не решался задать вопрос первым.

— Что вы видите? — Джек приподнялся со спинки кресла и чуть наклонился вперёд. Глаза его не отрывались от клетки.

— Крысу, — тут же первым ответил Дюк.

— Не обычную крысу, Пурген, — голос Джек стал тверже. — Это линейная норвежская лабораторная крыса. Стыдно не знать.

— И зачем она нам? — Тайлер подался вперёд, наклонился к столу и почти уткнулся носом в клетку. Крыса смотрела на него маленькими глазами, и Тайлер пристально смотрел в ответ — с тем выражением лица, когда не понимаешь можно трогать её ли нет. — Как эта крыса поможет нам спасти Анору?

— Эта? Никак, — Джек ответил совершенно спокойно. — Эта крыса несёт смерть. Она и есть источник заразы.

Тишина. Потом — резкий скрип кресла. Тайлер откинулся назад так стремительно, что чуть не опрокинулся вместе с креслом на пол. Вскочил на ноги, начал судорожно отряхивать лицо ладонями.

— Господи Боже! Зачем вы её сюда притащили?! — он отступил ещё на шаг, не опуская рук, продолжая обтирать щёки, подбородок, нос. Его лицо только что было в нескольких сантиметрах от источника заразы, и осознание этого накрыло его с такой силой, что он забыл, как дышать.

— Подождите… Это крыса покойной Ванессы? Откуда у неё лабораторная, подопытная крыса? — Дюк подался вперёд.

Джек чуть повернул голову, задержал взгляд на Дюке.

— Правильный вопрос. Молодец, Пурген, — он перевёл взгляд на Тайлера. — Учись, Диарея.

— Где вы взяли эту дрянь? — Лия нахмурила брови, — Я была в доме Ванессы, не было там крысы.

— Крыса была у Аноры, — коротко ответил Джек.

— У меня сейчас мозг взорвется. Как крыса Ванессы оказалась у Аноры? Они что, знакомы? — Заворчал Тайлер.

— Вы хотите провести экспертизу через крысу? Выявить заразу и начать лечение? — глаза Дюка цепкие, внимательные.

— Это бы заняло слишком много времени, — Джек покачал головой. Коротко, без объяснений.

— Ничего не понимаю, но а как лечить Анору? Ей жить от силы три часа осталось.

— Лекарство уже едет,— тихо ответил Джек, сверля крысу глазами.

— Доктор Дэймон, — Дюк встал, подкатил стул к Джеку и сел рядом. — Расскажите всё. Пожалуйста.

Тайлер тоже сел на место. Прикусил губу, скрестил руки на груди и приготовился слушать.

Но Джек молча продолжал сверлить крысу взглядом. Так словно в кабинете он был один.

— Такая маленькая, — произнёс он тихо, почти про себя. — И такая смертоносная. Карает людей своим ядом, а сама живёт. Здоровая, сытая, спокойная.

Он замолчал. Крыса шевельнула усами. Джек кивнул, будто принял это за ответ.

— Джек, — подался глухой голос Тайлера, выдернув Джека из его единомышленного анализа размышлений, и разговоров с крысой.

Джек моргнул. Перевёл взгляд с крысы на коллег.

— Мы тут, знаешь ли, место себе не находили, — заговорил устало Тайлер, чуть дрожащим голосом, который срывался то на злость, то на отчаяние. — Сходили с ума. Ждали тебя. Нам нужны ответы. Мы очень переживаем за Анору. Очень.

Джек задумался, он собирался с мыслями.

Тишину разорвал новый раскатистый храп Лии.

Тайлер закатил глаза.

Ну, хоть кто-то тут отдыхает, — пробормотал Дюк.

— Лия, чёрт тебя возьми! — Тайлер резко обернулся.

— Тише, — Джек поднял руку. — Не мешай человеку доделать начатое. Клизму ей, так и не поставили. — отшутился он, не дав Тайлеру её разбудить.

Увидев на себе хмурый взгляд своих коллег, Джек наконец решается все рассказать.

— Наша пациентка не единственная жертва этой заразы. У Ванессы была сестра, она умерла первой. Затем — сама Ванесса. И дальше по заражению эстафету взяла наша Анора.

Коллеги сдвинулись на краешках стульев. Взгляды застыли на Джеке.

— Её сестра работала в исследовательской лаборатории в штате Флорида. Над этой крысой был проведён опыт. Не знаю, что за дрянь они разрабатывают и для каких целей, но у них точно получилось. И уж тем более не знаю, как так вышло, что именно эту крысу сотрудница лаборатории забрала домой. Это уже будет расследовать сам исследовательский центр.

— Конец этому центру, — выдал Дюк.

— Ну самому центру вряд ли, а вот начальнику центра, да, — подхватил Тайлер, с быстро вернул внимание на Джека.

— Крыса успела поцарапать или укусить свою похитительницу, — продолжил Джек. — Та, уверен, ничего не подозревала. Привезла её Ванессе — возможно, в подарок. Не исключаю и того, что изначально крысу из лаборатории она брала для своей сестры. В тот же день она её и привезла. И в тот же день умерла — по дороге домой. Мучительной смертью.

Джек замолчал на секунду, и в этой секунде пронеслась картина всего — царапина, женщина в транспорте с кровотечением носа, затем слепота, а после больница и адские боли. Финал —Смерть.

— Потом к нам попадает Ванесса. Крыса, оставленная сестрой, успела поцарапать и её. Ванесса даже не узнала о смерти сестры — не успела. Умерла сама. Но перед этим она успела пообщаться с Анорой в приёмном отделении. Она попросила её присмотреть за крысой, пока проходит лечение, Ванесса жила одна, уверен просить ей было некого.

— И Анора, конечно, согласилась, — тихо произнёс Тайлер. Это не было вопросом.

— Наша бедовая, безотказная Анора, — подтвердил Джек. — Забрала крысу себе. Держу пари, крыса поцарапала её, когда она кормила её или лезла руками в клетку, чтобы погладить.

Он произнёс это и посмотрел на Тайлера. В кабинете стало тихо. Только храп Лии — ровный, безмятежный, издевательски спокойный раздавался с тихим эхом в кабинете.

— Как ты обо всём этом узнал? — голос Тайлера дрогнул от восхищения, которое он даже не пытался скрыть. — Про сестру? Лабораторию?

— Про сестру я узнал ещё вчера вечером. Она скончалась в другой больнице. По дороге сюда я позвонил Моррисону. Попросил разузнать всё о сестре Ванессы — началось-то с неё. Дон выяснил, где работала. Я позвонил в лабораторию. Там мне всё объяснили. Они искали пропавшую крысу. Очень хотели её вернуть. Мой звонок был для них подарком. За молчание

— в обмен на крысу — они пообещали вакцину. Которая убьёт заразу Аноры. Они уже везут её сюда.

— И ты будешь это скрывать? И прикрывать эту лабораторию?! — Тайлер распахнул глаза от возмущения.

— Конечно буду, я поклялся! Я человек слова. Дал клятву — держу, — Джек выпрямил спину, изображая непоколебимую твёрдость, но уголок рта предательски дрогнул в хитрой улыбке. — А ты нет. — Он невозмутимо протянул Тайлеру телефон. — Ты знаешь, куда звонить. Не сдерживайся, стукани хоть в три ведомства сразу.

Тайлер довольно улыбнулся ему в ответ, выхватил телефон из его рук — и резко изменился в лице.

— Подожди. Лекарство. Если мы всё расскажем ФСБ — они могут не дать его Аноре?

Джек даже не вздрогнул.

— Об этом не беспокойся. Антибиотик будет здесь с минуты на минуту. — Он бросил взгляд на наручные часы. — Антидот окажется у меня раньше, чем приедет ФСБ. Я введу его Аноре. Вы займитесь заявлением. И езжайте домой.

***

— Очнулась, спящая красавица, — с нежностью произнёс Джек. Он сидел рядом, его рука потянулась к её. Пальцы легли поверх её ладони — не крепко, а бережно, как держат что-то очень хрупкое.

Она не сразу поняла, что рядом кто-то есть. Сначала лишь тело само по себе дёрнулось, выдавая внезапное напряжение, а уже потом взгляд скользнул в сторону фокусируясь на нём.

— Как ты себя чувствуешь? — тихо спросил Джек, не сводя с неё глаз. Большой палец медленно скользил по её коже, лаская ее руку.

— Эм… пока не знаю, — наконец выдохнула она хрипло, голос звучал непривычно чужим, ломким. Она плавно, почти осторожно забрала руку — не отталкивая, а так, будто ей нужно было хоть немного пространства, чтобы снова почувствовать себя собой.

— Что со мной было? — Анора нахмурила брови, снова обвела взглядом палату, будто пыталась сложить в единую картину разрозненные обрывки воспоминаний.

Джек не торопился с ответом. Он просто смотрел на неё, и в этом взгляде было столько облегчения, он так долго балансировал на грани, что теперь, когда опасность отступила, эмоции прорвались наружу. Он потянулся к её губам — как мужчина, которому только что вернули самое дорогое.

— Доктор Дэймон, я тоже рада вас видеть, но не настолько, — резко, отозвалась Анора, чуть отклонив лицо. В этом движении была растерянность человека, который ещё не успел вернуть себе равновесие, сейчас любая резкость казалась слишком громкой, любая близость — слишком внезапной.

— Доктор? — повторил Джек, застыв на месте. Смущение Аноры взволновало его.

В один миг лицо Аноры изменилось: глаза распахнулись, в них вспыхнула острая, почти паническая тревога.

— Стив! Как он? Как прошла операция? — выпалила она.

— Анора, — его голос прозвучал чуть хрипло, и в этой хрипоте слышалось напряжение, которое он не мог скрыть. — Что последние ты помнишь?

— Ну… — Анора запнулась, подбирая слова. — Стив был на операции костной челюстной ткани. Я была там. Ждала, когда всё закончится. — Она замолчала, нахмурилась, пытаясь вытянуть из памяти хоть что-то ещё. — А дальше… ничего не помню. Я… я потеряла сознание? — Она резко обернулась к Джеку, и в её взгляде читался не просто вопрос — в нём был страх.

Джек застыл. Секунду, две, три — он будто перестал дышать. Его лицо исказилось так, что у неё внутри всё оборвалось. В его глазах плескалось мучительное отчаяние, такое глубокое, что ей стало физически холодно лишь от одного его взгляда.

— Что произошло?! — она смотрела на него, и с каждым мгновением тревога становилась тяжелее.

Он не ответил. Вместо этого медленно, отступил назад, развернулся и уставился на мусорную корзину у стены — на этот нелепый, обычный предмет, который вдруг стал точкой, куда можно было направить всё, что рвалось изнутри.

— Доктор Дэймон, вы в порядке? — голос Аноры прозвучал где-то на фоне.

— НЕТ! — он ударил по корзине ногой, и звук удара отозвался в стенах, в её груди, в каждой нервной клетке. Та взлетела и разлетелась, а содержимое рассыпалось по полу, звеня, шурша, разлетаясь по углам палаты.

Анора застыла, вжавшись в кровать, совершенно не понимая, почему он так реагирует.

— Анора, вчера ты была моей VIPпассажиркой в экспрессе счастья — прямо в «космос», и это твоя же цитата! — с истерическим глумлением в голосе парирует Джек, в отчаяние сверля её взглядом.

Она продолжала сидеть не дыша, с широко распахнутыми от шока глазами.

Два шага. Один. Он навис над ней — близко, его взгляд прожигал её насквозь. Анора вцепилась в одеяло, пальцы побелели от напряжения.

— Анора, клянусь… я заставлю тебя вспомнить, даже если для этого мне придётся вымостить дорогу в ад… — зло отозвался Джек, прожигая ее взглядом .

Её глаза метались по его лицу — по сжатой челюсти, по потемневшим зрачкам, по жилке на шее, которая пульсировала так, будто внутри него что-то рвалось наружу. Она не понимала. Ничего не понимала. О чем говорит, почему смотрит так одержимо.

— Доктор Дэймон, вы меня пугаете. Какое счастье? Какой космос? Вы не в себе? — смело, но взволнованно чеканит Анора.

— Анора ты была моей. Этой ночью, — твёрдо заявляет он, наклоняясь к её лицу слишком близко. Так близко, что Анора видит каждую ресницу. Его пальцы находят прядь её волос и погружаются в них — поглаживая, он наматывает их на палец, с выражением лица человека который дотрагивается до того, что ему принадлежит.

Его взгляд не отрывается от неё — жжёт, держит, не отпускает. Анора сидит неподвижно. Сердце стучит где-то в горле. Между её бёдер нарастает тепло, которое она не может объяснить. Она не знает этого чувства. Но её тело знает. Тело помнит то, что забыла память.

— Доктор Дэймон…

Его губы проходят в миллиметре от её щеки, не касаясь, но оставляя за собой след из жара, который проникает под кожу.

— Джек… просто Джек, — поправляет её мягко он.

— Хорошо, Джек, — Анора сглатывает, и этот звук в тишине звучит почти как всхлип. Она собирается с духом, выпрямляет спину, и отклоняет голову назад, упираясь в подушку, пытаясь хоть на миллиметр отдалиться. — Я не знаю, что случилось, почему я здесь, ничего не помню. Уверена — всему найдётся объяснение, только не этой ночи. Её точно не было и быть не могло. Клянусь, пусть я трижды потеряю память, но я точно знаю. Потому что…

Она замолкает. Пауза тянется, тяжёлая, липкая. Её пальцы вцепляются в край одеяла ещё сильнее. Она закрывает глаза на секунду. Когда открывает, по щеке уже катится слеза. Она подбирает слова, будто каждое из них обжигает, и наконец продолжает:

— Не знаю, что вы придумали и зачем вам всё это, но я точно знаю: я не могу быть с мужчинами. Никогда не могла и никогда не смогу. Это… Детская травма.

— Анора, я всё знаю, — Джек произнёс это тихо, но каждое слово ложилось на неё весом. — Ты подверглась насилию в том проклятом лифте в свои двенадцать лет. Я знаю всё о твоих страданиях и их последствиях.

Анора распахнула глаза. Это не было удивление. Это был шок.

— Но клянусь — ты сама пришла ко мне. Со мной ты смогла, потому что ты хотела этого, и потому что твои чувства ко мне, были сильнее твоих панических атак.

Его рука потянулась к её лицу. Медленно. Осторожно. Пальцы коснулись щеки — и Анора замерла. Его прикосновение было нежным, бережным. Большой палец прошёл по скуле и стёр слезу. Он не убирал руку. Держал её лицо в ладони.

Она молча смотрела в его глаза. Тёмные, голодные, полные боли и нежности одновременно. Пыталась вспомнить. Хоть что-то. Его голос. Его руки. Но в голове — пусто. Глухая, белая, безжалостная пустота.

— Может, ты ничего не помнишь, но ты можешь это почувствовать, — шепчет Джек, и его губы проходят в миллиметре от её. Так близко, что Анора чувствует каждое слово на своей коже. — Просто слушай свой внутренний голос. Ты знаешь, что это правда. Доверься своим чувствам.

Он касается её губ. Мягко. Едва. Кончиками губ — не целуя, а спрашивая. Тихо, нежно, с тем терпением, которое стоит ему всех сил. Анора замирает. Его дыхание на её губах — горячее, рваное, и от этого тепла внизу живота становится тяжело. Он не давит. Ждёт. И потом — углубляется. Медленно, но уверенно. Его губы накрывают её, забирают, владеют. Одна рука на её щеке, другая — на шее, большой палец на пульсе, и он чувствует, как её сердце сходит с ума.

Анора хотела отстраниться. Должна была. Но тело не послушалось. Вместо отстранения — её губы приоткрылись. Ответили. Робко, растерянно, но ответили. Мурашки заполнили все её тело. Его поцелуй был нежным и жадным одновременно — он целовал так, будто это единственное, что ему нужно, будто без этого он не дышит. Анора тихо выдохнула. Он поймал этот выдох, забрал его, и поцеловал ещё глубже.

Его рука скользнула под одеяло, по её талии, по бедру, и пальцы сжались — уверенно, собственнически.

— Анора? — Кэт стояла в дверях, и её голос разрезал палату, как холодный воздух.

Джек не отстранился. Не сразу. Его губы задержались на её губах — на секунду, на две, на три, и Анора чувствовала, как он сопротивляется, как его тело отказывается отпускать её. Он коснулся лбом её лба. Его глаза закрылись. На скулах проступили желваки, челюсть сжалась. Анора чувствует — он злится. Не на неё. На то, что их прервали. На то, что приходится останавливаться, когда всё внутри него кричит — продолжать.

Он тяжело вздохнул. Открыл глаза. Посмотрел на неё — пристально, тёмно, с тем выражением, от которого у Аноры снова пошли мурашки по всему телу.

— Мы не закончили, Анора. Я вернусь, и мы поговорим, — твёрдо заявил он.

Он поднялся. Резко. Выпрямился. Одёрнул рубашку. Посмотрел на неё — сверху вниз, тёмными глазами, в которых желание мешалось с раздражением и чем-то звериным, голодным, неутолённым. Развернулся и вышел, не разу не взглянув на Кэт.

Подруга бросилась к Аноре. Села рядом, обняла, притянула к себе.

— Как же ты нас напугала! — произносит Кэт, крепко обнимая подругу и долго не разжимая объятий.

Анора прижалась к ней — но её сознание всё ещё было в его власти. Её губы были влажными от его поцелуя. Кожа — горячей. Между бёдер — пульс, настойчивый, болезненный. Она закрыла глаза. Его запах, его тепло, его «я вернусь» — всё это держало её, не отпускало. Она сделала глубокий вдох, посчитала до пяти, и наконец открыла глаза.

— О том, что я увидела минуту назад, поговорим потом. А сейчас — скажи мне, как ты? — расцепившись выдала Кэт, с накатившимися слезами на глазах. — Я приехала сразу, как только мне сообщили мальчики. Тайлер, Дюк и Джек возились с тобой всю ночь, а я даже ничего не знала. Даже идиотка Лия была рядом вместо меня. Прости.

Кэт вытерла глаза тыльной стороной ладони. Слёзы катились по щекам, но голос держался — злой на себя, виноватый.

— Кэт, я ничего не помню. Что со мной произошло? Как я оказалась в реанимации?

— Тайлер сказал, что тебя заразила твоя крыса.

— У меня нет крысы, — удивляется Анора, мотая головой.

— Была, ты взяла её на время, это крыса нашей покойной пациентки, Ванессы.

— Ванессы? ПОКОЙНОЙ? — каждое слово Кэт било новым шоком в душе Аноры.

— Ты совсем ничего не помнишь?? — беспокоится Кэт.

— Я помню как следила за операцией Стива, а дальше... как в тумане .

— Стива прооперировали ещё до нашей эры!

Анора молча смотрела в глаза подруги — долго, растерянно, будто пыталась прочесть в них ответы на вопросы, которых не могла сформулировать. Она сглотнула, и этот тихий звук прозвучал в комнате почти как всхлип. Собравшись с духом, она наконец произнесла:

— Доктор Дэймон сказал…

— Анора, мы давно уже его просто Джеком зовём, — мягко улыбнулась Кэт и, не убирая руки, поддерживающе погладила ладонь подруги — крепко, уверенно, так, чтобы Анора почувствовала: она не одна.

Анора провела языком по пересохшим губам, будто пытаясь вернуть себе голос, и снова попыталась подобрать слова.

— Я могла провести вчерашний вечер с Джеком? — смущаясь, тихо спрашивает Анора. Щёки порозовели, и она тут же отвела взгляд — будто сама испугалась собственного вопроса.

— Эм… — тянет Кэт. Пауза. Долгая, неловкая. Кэт смотрит куда-то в сторону, и Анора видит — подруга знает что-то, что не решается сказать.

— Пожалуйста, помоги понять, мне нужно восполнить этот пробел, — почти молит Анора. Она подалась вперёд, схватив за обе руки Кэт, пальцы Аноры были холодные, влажные, дрожащие. — Мне нужно знать.

— Я не знаю. Если ты была с ним, то мне ты ничего сообщить не успела. Но мне сказали, что сам Джек привез тебя сюда, внёс на руках, и на тебе не было ничего кроме мужской рубашки, сам Джек был босой, в одних штанах.

Анора медленно подняла руку к шее, проведя пальцами по коже, затем рука спустилась ниже, касаясь больничной сорочки. Под ней — ничего. Мурашки на коже. И где-то глубоко внутри — отклик, тихий, тёплый, настойчивый. Не в голове. В теле. Тело знало то, что разум забыл.

— Не могу поверить, что это может быть правдой, — прошептала Анора, и голос её дрогнул. Она обхватила себя руками, будто пыталась удержать внутри эту новую, неудобную реальность. — Я ничего не понимаю, это не возможно… Ты уверена что так все и было?

— Это было на глазах всего приемного отделения. Вся больница шушукается об этом на каждом углу, — с сожалением сообщила Кэт. Она потянулась и накрыла ладонь Аноры своей. — Думаю, ты могла быть с ним в тот вечер. Между вами всегда что то было…

— Что было? — Анора резко подняла голову, нахмурила брови, взгляд стал острым, почти испуганным. — Говори прямо.

— Ну, это… Химия, — мягко ответила Кэт. — Такая, что искры летели. Даже если ты делала вид, что не замечаешь.

— Капец, — выдохнула она с досадой и горькой усмешкой. — Ты о последних днях моей жизни знаешь больше, чем я сама…

— Анора, память к тебе ещё может вернуться, — тихо подбадривала Кэт.

— Ладно, проехали, — Анора резко закрыла тему, будто захлопнула дверь, за которой прятались слишком тяжёлые мысли. Почесав голову, она отвела взгляд, уставившись в угол палаты. — Так что со мной случилось? Я потеряла сознание изза крысы?

— Анора, ты была в коме.

Слово повисло в воздухе — тяжёлое, без прикрас, без смягчений. Анора замерла. Глаза расширились, зрачки дрогнули, будто мозг пытался переварить смысл, отказываясь его принимать. Она медленно повернула голову к Кэт.

— Чего??

— По приказу Джека, — почти шёпотом, произнесла Кэт. — Ты испытывала невыносимую боль. Её нельзя было заглушить. Он распорядился ввести тебя в кому. — Кэт делает паузу. — Анора, ты была заражена смертельной инфекцией, с которой Джек имел дело в первые. Еще вчера наш отдел потерял пациентку, ее не смогли спасти, а потом заражаешься ты, счёт шёл на минуты.

Анора сидела неподвижно. Рот приоткрыт, взгляд застывший, пустой. Она моргала редко, механически — через раз, будто тело выполняло функцию, а сознание отключилось. В голове не было ни крика, ни вопросов, ни даже страха. Только гулкая пустота, в которой слова Кэт падали, как камни в тёмную воду — без всплеска, без эха.

— Эта инфекция питается клетками мозга, — почти без интонации, произнесла Кэт. — По МРТ, как сказали Дюк и Тайлер, вирус успел добраться до гиппокампа — зоны, которая отвечает за память. Пусть лучше у тебя будет провал в памяти, чем смерть. Пока я спала мирным сном дома, наши тут были в аду. Все боялись тебя потерять. А Джек, в первые не поручил, а сам поехал исследовать дом с источником заразы. Если бы не он… Джек спас тебя.

Анора слушала, не моргая. Её пальцы вцепились в край одеяла — крепко, до побелевших костяшек. В груди всё сжалось, и она вдруг почувствовала не только страх, но и странную, неловкую благодарность — за то, что кто-то стоял на этом «аду» рядом с ней.

— Сколько я пролежала тут? — голос дрогнул, и Анора сама это услышала. Она сжала зубы, пытаясь вернуть себе контроль.

— Всю ночь. Из комы тебя вытащили в шесть утра. Сейчас шесть вечера. Во сколько ты очнулась — я не знаю.

Кэт замолчала, давая словам осесть. Потом чуть наклонилась вперёд и добавила:

— Тайлер сказал, что Джек не отходил от тебя ни на шаг. Даже когда все падали от усталости. Он стоял и смотрел, будто мог силой воли заставить тебя проснуться.

— Дочка!!! — дверь в палату распахнулась с такой силой, будто её выбивали спецназовцы, и в проёме возникла Рейчел. За её спиной, замерли Лия, Дюк и Тайлер.

— Мама! — Анора расплылась в улыбке.

— Господи! Спасибо Господу Джеку и Богу доктору! — Рейчел налетела на дочь и стиснула в объятиях.

— Вы, наверно, имели в виду Господу Богу и доктору Дэймону, — с раздражением выдала Лия, закатив глаза.

— Ага! — буркнула Рейчел и, не тратя время на лишние слова, резко всунула Лие пакеты с апельсинами и манго — прямо в руки. — Разложи, порежь, все в пакете, доска и нож, — скомандовала она, быстро жестикулируя в сторону стала в палате.

Лия скорчила лицо, и неохотно поплелась к столу.

Пока все были отвечены на разговоры и объятия с Анорой, Лия разложила все на столе, сжала нож так, будто пыталась доказать ему, что она тут главная. Её длинные ногти сверкнули под больничным светом — явно созданные для того, чтобы эффектно постукивать по столу, а не для кухонных баталий.

Она ткнула ножом в бок апельсина. Фрукт подпрыгнул, и чуть не улетел со стола. Лия схватила его обратно, прижала к доске и снова занесла нож. На этот раз шкурка не столько срезалась, сколько… обдиралась. Длинными лохмотьями.

Тайлер, стоявший в паре шагов, прикрыл рот ладонью. Плечи у него уже предательски подрагивали. Он пытался выглядеть серьёзным — кивал, делал вид, что участвует в разговоре со всеми, но не упускал возможность следить за хозяйственными способностями Лии — и стоило ей снова взмахнуть ножом, как его глаза округлялись, а в горле булькало что-то подозрительно похожее на сдерживаемый смех.

Следующим на очереди был манго. Лия вздохнула глубоко.

На этот раз она действовала хитрее: воткнула длинный ноготь указательного пальца в манго, прижав его к доске, другой рукой попыталась аккуратно срезать шкурку. Аккуратно не получилось. Шкурка снималась кусками, а мякоть превращалась в неровные горки, похожие на миниатюрные холмы после оползня. Лия пыхтела, ворчала, морщила нос, и в какой то момент сок фрукта брызнул ей в лицо.

Тайлер наблюдал за этим, уже не сдерживая смех.

Лия резко обернулась. Взгляд как у маньяка. Она чуть приподняла нож — не угрожающе, но так выразительно, что смысл считывался без слов: «Ещё один звук — и я нарежу тебя вместо манго».

Тайлер резко замолчал. Его лицо из весёлого стало серьёзным, потом слегка побледнело, потом вообще приняло выражение человека, который внезапно вспомнил, что у него миллион срочных дел. Он торопливо сглотнул и, старательно избегая взгляда Лии, переключился на Анору:

— Так, моя очередь тебя обнимать! — выпалил он и рванул к кровати с такой скоростью, будто от этого зависела его безопасность.

— Спасибо вам за всё, спасибо, что не дали мне умереть, — искренне, чуть дрожащим голосом произнесла Анора. Она смотрела на каждого по очереди, и в её взгляде было столько тепла, что его почувствовали все.

— Это всё Джек, — начал Тайлер, потирая затылок. — Если бы не его беготня и логика, не его умение заставить любого говорить быстрее, чем думают…

Дюк резко перебил его, голос прозвучал глухо, с тяжестью, которую не спрячешь:

— Это всё изза меня. Прости меня, Анора. Это я привёл в «ЛайфПлас» заражённую. Я не проверил. Не доглядел. — Он опустил голову, пальцы сжались в кулаки, и было видно, как ему физически тяжело выдавливать из себя эти слова. — Я подвёл всех. И тебя — больше всех.

— Не кори себя! Твоей вины нет. Эти самокритичные обвинения вообще всякого здравого смысла лишены, — твёрдо сказала Анора, и в её голосе прозвучала такая спокойная уверенность, что даже воздух в палате будто уплотнился.

Дюк приоткрыл рот, собираясь возразить, но Анора резко подняла ладонь:

— Если ты продолжишь, мы поругаемся, — предупредила она, и уголки её губ дрогнули в лёгкой улыбке.

— Этого я допустить не могу, — выдохнул Дюк, и на его лице мелькнуло что-то вроде облегчения. — Хорошо, я не виноват. — Согласился он, что бы не нагнетать.

И тут же получил ладонью по затылку — хлестко.

— Виноват! — рявкнула Рейчел, не думая о статусе, о субординации, о чём угодно, кроме своей дочери. Не сдерживаясь, не подбирая слов, выплескивая всё, что копилось в ней эти часы. Глаза у неё горели, руки дрожали, и в этом крике было столько материнского гнева, что все невольно втянули головы в плечи. — Чуть дочь мою не угробили!

— Мама! — злится Анора, маминой бестактности.

— Что «мама»?! Что «мама»?! — на полном серьёзе злится Рейчел. — Я тут по коридору шла — видела, какие тут люди работают! Одна с пробирками открытыми носится, сама не

знает, что там плещется, на ходу разливая. Другой чихает прямо на приборы, которые тащит из кабинета в кабинет, вытирая сопли об халат. Третий вообще всё роняет — то папку, то лоток, то перчатки! Тут все такие?

— Какие «такие», мама?! — Анора уже почти кричала, но в этом крике было больше смущения, чем злости.

— Рукажопые! — выпалила Рейчел.

— У нас в инфекционном отделении все профессионалы. И исключительно с золотыми руками, — с серьёзным видом ответил Тайлер.

В этот момент Лия, молча просовывает между ними тарелку. На ней лежали фрукты — точнее, то, что от них осталось. Каждый кусочек выглядел так, будто его вырезали в спешке, на спор и с закрытыми глазами.

Все уставились на тарелку. Секунда тишины. Вторая. А потом комната взорвалась смехом — громким, искренним.

Хохотали все кроме Рейчел. И не кто не заметил, как в палату зашёл Джек.

Рейчел смотрела то на Лию, то на тарелку с фруктами — и с каждым взглядом её брови ползли всё ниже. В её взгляде читалось не просто недоверие, а глубокое личное разочарование во всей системе здравоохранения.

— Вас как зовут?

— Лия, — буркнула та, явно не в настроении расшаркиваться.

— И кем вы здесь работаете? — продолжала Рейчел, не сводя прицельного взгляда.

В этот момент из-за спины прозвучал низкий, уверенный, с лёгкой хрипотцой голос — и в нём было столько веса, что все невольно выпрямились:

— Хирургом, — спокойно произнёс Джек. Он стоял в проёме, скрестив руки, лицо — каменное, но в уголках губ пряталась едва заметная усмешка. — Это наш лучший хирург в городе.

В палате повисла тишина. Все замерли: Рейчел смотрела на Джека с восхищением как на ангела хранителя своей Дочери, Лия застыла с видом человека, которого только что перепутали с кем то другим, Тайлер придурковато улыбался, как единственный человек который понял юмор Джека, Дюк вообще сделал вид, что он часть интерьера.

— Ауч… — Анора поморщилась и прижала ладонь к виску, головная боль ударила внезапно.

— Вон из палаты, — коротко бросил Джек.

Рейчел подалась вперёд, не дав ему шанса отстраниться — повисла у него на шее, всхлипнув:

— Ты спас её, Джек. Ты единственный… единственный, кто знал, что делать.

Он коротко приобнял её одной рукой — ровно настолько, чтобы не обидеть, — но взгляд его не сдвинулся с Аноры ни на секунду.

Едва коллеги скрылись за дверью, как на пороге возник Стив. Он скользнул по палате внимательным взглядом высматривая Анору — и тут же зацепился за Джека, в этом взгляде плескалось откровенное пренебрежение, будто он смотрел на досадную помеху.

Джек разом отпустил Рейчел, не глядя, почти небрежно, и развернулся всем корпусом — так резко, что воздух будто сгустился. Его поза говорила яснее любых слов: «Не делай шаг. Не смотри. Не дыши в её сторону».

— Приёмы на сегодня окончены, — голос Джека звучал жёстко.

Стив усмехнулся — криво, демонстративно, будто проверял границы. Сделал полшага вперёд.

Джек даже не шевельнулся, как скала стоял перед ним, закрывая доступ к Аноре.

— Я сказал — окончены, — повторил Джек, в глазах вспыхнул ледяной огонь.

— Ты в курсе, что я её друг и имею полное право её навещать? — в голосе Стива сквозило раздражение, смешанное с демонстративной уверенностью. Он глянул на часы — нарочно, чтобы подчеркнуть: правила на его стороне. — Приём посещений ещё не окончен.

— А ты в курсе, что человек на семьдесят процентов состоит из воды? — голос Джека был ровным, без эмоций, и от этого звучал ещё страшнее.

Стив нахмурился, сбитый с толку этим неуместным вопросом:

— И что?

Джек чуть наклонил голову. В его взгляде мелькнуло что-то хищное.

— Испарился отсюда, пока еще можешь.

— Ауч! — Анора снова вскрикнула, пальцы впились в виски, будто она пыталась удержать голову, которая сейчас казалась невыносимо тяжёлой.

Джек не привык долго возиться с теми, кто его раздражает, особенно когда ему есть чем заняться — Анорой. Он среагировал мгновенно: резкий рывок — и он уже схватил Стива за грудки. Ткань рубашки хрустнула под сжатыми пальцами. В его глазах не было ни капли сомнения — только ярость, готовая свернуть шею одним движением.

Рейчел мгновенно вмешалась — она действовала чётко, по-матерински властно. Шаг вперёд, твёрдая рука ложится Джеку на плечо, чтобы удержать, поставить границу.

— Стив, пойдём, — отрезала она, не глядя на него. — Сейчас Аноре нужен покой. Здесь не место для ваших разборок.

Стив дёрнулся, хотел что-то бросить в ответ, но звук нового стона Аноры ударил по нервам, сбивая всю браваду. Он замер, на секунду будто сжался, потом медленно, неохотно кивнул. Рейчел цепко взяла его под локоть и повела к двери, не давая шанса передумать.

Джек развернулся и стремительно двинулся к Аноре. Лицо его всё ещё пылало гневом, но в каждом шаге уже сквозила не ярость, а острая, почти болезненная потребность быть рядом. Он встал у её кровати и потянулся к её рукам — аккуратно, но твёрдо убирая их с её головы.

— Положи голову на подушку.

Анора поморщилась, стиснула зубы, но подчинилась — медленно, будто каждое движение отдавалось в черепе раскалённым гвоздём.

— Чёрт, кажется, у меня сейчас голова лопнет! — выдавила она сквозь боль, упираясь затылком в подушку.

— У меня есть то, что тебе поможет, — произнёс он с едва уловимой мягкостью, которую он позволял себе только рядом с ней.

— Топор? — процедила Анора, пытаясь удержать хоть каплю иронии сквозь пульсирующую боль.

Уголок губ Джека дрогнул — и он невольно улыбнулся, протягивая ей пластину таблеток — ровно, без суеты, как человек, который привык брать ситуацию под контроль.

— Выпей сейчас. Это поможет купировать мигрень, — голос Джека звучал как приказ.

— Миг… что?! — Анора вскинула голову, и тут же поморщилась от вспышки боли, но негодование всё равно прорвалось сквозь стиснутые зубы.

— Мне пришлось вызвать мигрень, чтобы замедлить инфекцию, пожирающую твой мозг.

Анора замерла. На её лице застыло молчаливое, но предельно ясное выражение: «Ты издеваешься?» В нём смешались шок, удивление и злость.

Джек чуть наклонил голову, в глазах мелькнула тень иронии — не весёлой, а горькой, выстраданной.

— Прости, что спас тебе жизнь, — процедил он с кривой усмешкой. — Это был единственный способ выиграть время.

Не раздумывая, она резко выхватила из его рук пластину таблеток. Трясущимися руками выдавила две таблетки, одним резким движением закинула в рот и схватила бутылку со стола, тут же запив.

— Класс, я думала, что сегодня меня уже ничто не сможет удивить, но нет — мигрень… Ещё сюрпризы будут? — с горечью бросила Анора, приподнявшись с кровати и резко свесив ноги на пол. Пальцы вцепились в край матраса. Секунда, две — и она встала с места, молча шагнув к зеркалу у раковины, надеялась увидеть в отражении прежнюю себя.

Джек стоял на месте, и не сводил с неё глаз.

— Чувство паршивое, — глухо произнесла она, остановившись перед зеркалом.

— Я купирую твою боль. Мигрень пройдёт. Я обещаю.

— Плевать мне на боль, я не об этом, — с досадой отвечает она, смотря на себя в зеркало. — Сама себе не принадлежу, вся эта информация…. Ничего не имеющая общего с моей жизнью…

Джек не шевелился. Он ждал продолжения — каждого её слова, каждого вздоха. Его взгляд скользил по ней, выхватывая малейшие детали: дрожь в пальцах, напряжение в линии плеч, то, как она застыла перед зеркалом, словно перед врагом. Он следил за каждым движением её рук, за каждой тенью на лице — и не мог насытиться. Для него она стала не просто женщиной, а целым миром, воздухом, без которого он не может дышать.

Анора повернулась в профиль, рассматривая себя так, будто видела впервые. Её рука медленно потянулась к шее — и замерла на миг, прежде чем пальцы скользнули по следам их вчерашней страсти. Следам, которые похожи на клеймо оставленные Джеком на её фарфоровой шее. Они жгли кожу даже сейчас. Она водила по ним, как по шрамам чужой судьбы, пытаясь понять, как это произошло, и почему её тело до сих пор отзывается на эту память.

— Я не узнаю себя, — прошептала она, и в этом признании не было драмы — только голая, неудобная правда. С виду та же голубоглазая кудряшка, а внутри… будто огромная Марианская впадина. Тёмная пустота неузнаваемости.

— Мой первый половой контакт был не по моей воле, и был он очень давно, — Анора говорила так, будто каждое слово приходилось вынимать из себя по одному, осторожно, чтобы не задеть старые раны. — Фактически девственницей меня нельзя назвать, но формально… формально я девственница.

Тишина стала почти осязаемой, и Анора наконец задала вопрос, который жёг её изнутри:

— Теперь, если то что ты сказал правда… даже формально я больше не девственница? — тихо спросила Анора, не глядя ему в глаза. Всё еще изучая своё тело у зеркала.

Он медленно подошёл. Не спеша, будто каждое движение могло её спугнуть. Встал прямо позади неё — так близко, что между ними не осталось ни миллиметра воздуха. Анора видела его отражение: тёмные глаза, напряжённые скулы, руки, сжатые в кулаки и тут же расслабленные, чтобы не выдать, как сильно он хочет её коснуться. Она чувствовала его дыхание на своей коже — горячее, ровное, и просто замерла, ощущая, как его тепло обволакивает её, как магнитное поле, от которого невозможно скрыться.

— Нет, — хрипло ответил Джек. Голос звучал так, будто слова давались ему с усилием — словно он сдерживал в себе целую бурю, чтобы не обрушить её на неё прямо сейчас.

— Значит… я была с тобой…

— Ты была моей, — тихо, почти шёпотом произнёс он. И прежде чем она успела отстраниться, он нежно убрал её волосы назад, обнажая шею. Его пальцы скользнули по коже — не грубо, без колебаний, будто он имел на это право, и это право было высечено не словами, а каждым их мгновением вместе. Он провёл подушечками пальцев по отметинам, следам их страсти.

Анора вздрогнула — от волны, которая прокатилась по её телу. Мурашки побежали по плечам, и она сжала пальцы, пытаясь удержать себя, не рассыпаться от этого простого, но невыносимо интимного прикосновения.

Она замерла, почти не дыша. Его ладонь скользнула ниже — не спеша, будто он давал ей шанс остановить его. Лёгкое, почти невесомое касание у груди, и по коже тут же побежала новая волна мурашек. В каждом его движении читалась выдержка, граничащая с болью.

Дальше — вдоль талии, медленно, бережно, но с той самой уверенностью, которая не оставляла сомнений: он знал, что делает, и знал, что она чувствует. Когда его пальцы коснулись живота, внутри у неё всё сжалось и тут же расслабилось, растекаясь тягучим теплом, в котором не было спешки — только острое, почти оглушающее ощущение возбуждения.

Джек прижался губами к её виску — не поцеловал, а будто поставил метку, которую можно было почувствовать только кожей. Его дыхание обжигало, сбивалось, выдавая, чего ему стоит эта сдержанность. Он удерживал себя на грани, не переступая черту, и именно эта самодисциплина заставляла её сердце биться так, будто оно хотело вырваться ему навстречу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.